

ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИКИ РОССИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

С.В.Беспалов

к.и.н., с.н.с. ИНИОН РАН

sbsp@mail.ru

С середины 1990-х до 2008 года происходило неуклонное нарастание геополитической конкуренции за влияние на государства постсоветского пространства между США, как правило поддерживаемыми их европейскими союзниками, и Россией. Есть все основания говорить о том, что мы имели дело не просто с двумя различными, но и, по сути, прямо противоположными и потому жёстко конкурирующими друг с другом политическими проектами развития постсоветского пространства. С одной стороны, налицо было стремление под лозунгами демократизации форсировать трансформацию политических режимов в данных государствах с целью превращения их в сферу определяющего геополитического влияния Евро-Атлантического блока; с другой – «охранительная» политика России, стремившейся, как правило, обеспечить консервацию существующих режимов (разумеется, там, где ещё не произошла «цветная революция») как предпосылку сохранения относительной стабильности, неконфронтационного характера отношений РФ с данными государствами и последующего развития (ре)интеграционных процессов. При этом обе стороны до самого последнего времени рассматривали своё взаимодействие на постсоветском пространстве как «игру с нулевой суммой» [Беспалов, Власов и др., 2007, с. 73-87].

После 2008 г. острота противостояния существенно снизилась, однако говорить о принципиальном изменении характера межгосударственных отношений на постсоветском пространстве пока преждевременно. В сложившейся ситуации возможности России оказывать влияние на страны ближнего зарубежья, а также перспективы политической, военной и экономической ин-

теграции на постсоветском пространстве с участием России будут определяться не только традиционными геополитическими факторами, не только способностью России и в дальнейшем поддерживать более или менее дружественные себе режимы в отдельных странах СНГ, не только результатом усилий РФ, направленных на урегулирование ряда региональных конфликтов, но и – не в последнюю очередь – отношением к России и её политике граждан стран СНГ. В свою очередь, проведение политики, направленной на формирование позитивного образа нашей страны у граждан стран ближнего зарубежья, должно стать одной из важнейших составляющих внешнеполитического курса РФ по отношению к этим странам. Ведь, несмотря на то, что геополитическая конкуренция не носит, в отличие от периода холодной войны, характера идеологического противостояния двух систем, внешнеполитическая пропаганда и публичная дипломатия играют и теперь далеко не последнюю роль [Слуцкий, 2001].

«Охранительная» политика России на постсоветском пространстве в ряде случаев была вполне обоснованной. Нежелание инициировать какие-либо существенные изменения в странах СНГ обуславливалось во многом тем, что, как показывает практика, события в этом случае достаточно быстро могут принять неконтролируемый характер; появление же очередного очага конфликта в непосредственной близости от границ России явно не будет содействовать укреплению её безопасности. Кроме того, опасения российского руководства по поводу того, что единственной реальной альтернативой лидерам новых независимых государств являются представители национального либо религиозного радикализма, во многих случаях были оправданы (хотя и не всегда: например, пришедшая к власти в Киргизии оппозиция оказалась – неожиданно для российских политиков и дипломатов (!) – ничуть не менее «цивилизованной» и к тому же пророссийской, чем прежний режим Президента А.Акаева.

Однако события последних лет со всей очевидностью показывают, что такая охранительная политика *сама по себе* не может быть действительно эффективной на протяжении длительного времени.

В целях повышения конкурентоспособности политики России на постсоветском пространстве представляется необходимым, прежде всего, научиться работать с оппозицией в странах ближнего зарубежья, причём вне зависимости от того, насколько дружественные отношения существуют в данное время у РФ с тем или иным государством (хотя, разумеется, характером межгосударственных должны определяться методы и масштабы этой работы); значимость этой задачи со временем неизбежно будет лишь возрастать, учитывая естественный процесс смены поколений как правящих элит постсоветских государств, так и – в значительной степени – оппозиционных сил. Следует стремиться обеспечить лояльность по отношению к России не только представителей властных структур государств ближнего зарубежья, но и лидеров и активистов оппозиционных движений (разумеется, за исключением тех, чья идеология носит ярко выраженный националистический – а, следовательно, антироссийский – характер) и так или иначе участвующих в политической жизни неправительственных организаций, значимость которых была наглядно продемонстрирована в ходе т.н. цветных революций.

В самой России необходимо создать эффективный механизм межведомственной координации в процессе выработки и проведения политики по отношению к странам ближнего зарубежья (в настоящее время степень координации действий Министерства иностранных дел, Администрации Президента, Совета Безопасности, экономических ведомств и т.д. является совершенно неудовлетворительной).

Следует в большей степени использовать возможности российского бизнеса для продвижения интересов РФ на постсоветском пространстве (и, в любом случае, не допускать проведения российскими корпорациями собственной «внешней политики», идущей вразрез с государственными интересами). Необходимо, чтобы крупнейшие российские госкомпании теснейшим

образом координировали свои действия с государством (в т.ч. с внешнеполитическими ведомствами и подразделениями Администрации Президента, ответственными за политику на постсоветском пространстве). Государство, в свою очередь, должно обеспечивать должную поддержку деятельности российских государственных корпораций и крупных частных компаний, включающую как административное, так и имиджевое содействие; при этом в большинстве случаев пресекать публичную демонстрацию силы указанными бизнес-структурами и, в целом, препятствовать формированию представления о России как стране, чья политика, в особенности экономическая, на постсоветском пространстве носит сугубо эгоистический характер.

Особое внимание следует обратить на то, что в целях наращивания влияния России на постсоветском пространстве необходимо расширять арсенал гуманитарных средств воздействия на процессы, политику, общественное мнение стран ближнего зарубежья, используя самые разнообразные инструменты, эффективность которых доказана событиями последнего времени. Это является и необходимым условием выполнения важнейшей задачи – формирования позитивного образа России в странах ближнего зарубежья.

Значимость этой задачи со временем неизбежно будет возрастать, прежде всего, в силу естественного процесса смены поколений и исчезновения фактора общего советского прошлого – значительной ментальной близости как естественного преимущества России (которым она, к сожалению, не смогла в должной мере воспользоваться в 1990-х – начале 2000-х гг.), – это относится как к элитам (политическим и интеллектуальным) государств ближнего зарубежья, так и к «простым» гражданам этих стран. Кроме того, развитие демократических институтов (хотя и непоследовательное, разноскоростное, сопровождающееся в ряде стран временными откатами) в новых независимых государствах будет означать и повышение значимости общественного мнения при выработке внешнеполитического курса.

В то же время, если формированию позитивного образа России в странах Европы и США уделяется в последние годы значительное внимание, то улуч-

шение имиджа страны в общественном мнении государств ближнего зарубежья пока не осознано и не артикулировано российской элитой в качестве приоритетной задачи.

Признание в России на официальном уровне Содружества независимых государств формой «цивилизованного развода» бывших советских республик, вполне справедливое с точки зрения констатации институциональной слабости СНГ и принципиальной невозможности превращения данной организации в основу для реинтеграционных процессов на постсоветском пространстве, нередко в последние годы сопровождается заявлениями и действиями российских должностных лиц, оставляющими впечатление почти изоляционистской политики, нарочитой демонстрации жёсткости в отношении государств ближнего зарубежья.

Поэтому, вполне осознавая, что создание благоприятного образа страны является не единственной, а в большинстве случаев – даже и не главной задачей, и реальные экономические интересы страны, как правило, не следует приносить в жертву имиджевой политике, следует понимать и то, что заявления аналитиков и – в особенности – высокопоставленных чиновников, подобные высказыванию М. Колерова в бытность его начальником управления Администрации Президента РФ по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами (играющего в последние годы одну из ключевых ролей в выработке российской политики по отношению к странам СНГ) о том, что «главным движущим фактором России должен быть только экономический эгоизм» [Колеров], должны быть сведены к минимуму, а ещё лучше - полностью исключены как создающие ненужную напряжённость в отношении с государствами ближнего зарубежья. Следует принимать во внимание и то, что подобные высказывания зачастую тиражируются средствами массовой информации стран ближнего зарубежья, сопровождаясь к тому же весьма недружественными для России комментариями; таким образом, «на ровном месте» создаются невыгодные для РФ информационные поводы для очередного витка антироссийской

риторики. Высшим российским чиновникам, как, впрочем, и всей российской элите, включая руководителей как государственных, так и негосударственных СМИ, необходимо стать существенно более тактичными в отношении новых независимых государств, – даже в ситуациях, когда складывающиеся обстоятельства диктуют необходимость проведения реально жёсткой линии в политической, экономической или военной сфере.

Следует отметить, что в условиях обострения противоречий между Россией и странами Евро-Атлантического блока, нарастающей критики России как в американских, так и в европейских СМИ даже позиционирование Россией себя на постсоветском пространстве в качестве истинно европейской демократической страны, т.е. составной части «Запада» (на необходимости чего ещё недавно настаивали многие политтехнологи, в т.ч. и близкие к Кремлю), представляется весьма затруднительным. Однако положение России осложняется тем, что она также не может позволить противопоставить себя Западу; возможно, утверждения А. Миллера о том, что «всякий, кто поставлен перед необходимостью делать стратегический выбор между Западом и Россией, выберет Запад и будет прав», а «соревнование с Западом в цивилизационной привлекательности Россия проиграла всерьёз и надолго» [Миллер, 2005, с. 28], и являются чересчур категоричными, но немалую долю истины они в себе содержат.

Представляется, что в данной ситуации лучшим (и едва ли не единственно возможным) имиджевым сценарием для России является позиционирование себя и не как «моста на Запад», и не как «части Запада», и – тем более – не как альтернативы Западу, а как «другого Запада» – менее требовательного к готовым сотрудничать с ним странам, менее притязательного, свободного от чрезмерной заносчивости в отношениях со своими партнёрами и не выдвигающего по отношению к ним столь многочисленных и зачастую невыполнимых требований (таких, как форсированная демократизация). Но в то же время Россия должна стремиться предстать в глазах своих партнёров в целом демократической страной (пусть и сформировавшей у себя, по выра-

жению Дж. Буша – весьма удачному с точки зрения российской имиджевой политики – «демократию в российском стиле»; при этом, разумеется, необходимо помнить о том, что дальнейшее усиление в России антидемократических тенденций способно сделать эту задачу практически нерешаемой) и современным обществом, привлекательным как для политических, так и для интеллектуальных элит стран ближнего зарубежья; страной, по мере возможности удерживающей их режимы от наиболее вопиющих нарушений прав граждан (эта задача приобретает особую актуальность, разумеется, прежде всего в отношении государств Центральной Азии) и мягко (во всяком случае, в публичном пространстве; в непубличной сфере можно и нужно в целом ряде случаев действовать весьма жёстко) обращающей их внимание на действительно существующие проблемы с гражданскими правами, положением этнических меньшинств и т.п. И в то же время Россия должна предстать страной динамично модернизирующейся и готовой содействовать модернизации своих партнёров, причём ценность идеи развития должна быть приоритетной по отношению к ценностям демократии.

«В обмен» же на такую политику, подкреплённую рядом экономических преференций (речь, разумеется, не идёт о возвращении к порочной практике существования «эксклюзивных» цен на энергоносители и т.п.) Россия вправе рассчитывать на отказ от прежней политики формирования национальных идентичностей на старой – т.е. по сути антироссийской – основе (или хотя бы на существенную корректировку такой политики), тем более что по прошествии без малого двух десятилетий с момента распада СССР суверенитету новых независимых государств уже очевидно ничто не угрожает; соответственно, исчезает и необходимость укреплять этот суверенитет указанным способом.

Необходима система мер, направленных на поддержку русского языка в странах ближнего зарубежья, включающая всестороннюю политическую, финансовую (при необходимости - даже прямое финансирование) и организационную поддержку вещания российских теле- и радиоканалов, распро-

странения российских печатных изданий, а также деятельности местных русскоязычных СМИ в странах ближнего зарубежья, а также поддержку русских театров. Для этого, с одной стороны, необходимы совместные действия государственных структур и крупнейших медиахолдингов России, - до настоящего времени, по справедливому замечанию А. Джазояна, «за редкими исключениями не видно здоровой агрессии в продвижении своей продукции за рубежом» с их стороны [Джазоян, 2007, с. 34], и потому сокращение влияния российских СМИ на постсоветском пространстве происходит зачастую без всяких целенаправленных усилий властных структур новых независимых государств. В тех же случаях, когда политика вытеснения российских и русскоязычных СМИ реально имеет место, прекращение такой практики должно стать приоритетным предметом межгосударственных отношений, в том числе – на высоком и высшем уровнях.

Не менее важна всесторонняя поддержка образовательных учреждений различного уровня (как средних, так и высших учебных заведений), ведущих преподавание полностью или частично на русском языке. При этом у выпускников этих учебных заведений должна быть возможность на льготных условиях (вплоть до 100%-ного бюджетного финансирования) продолжить образование в российских ВУЗах. В то же время целью указанных образовательных программ должно быть не столько привлечение в дальнейшем образованной и стремящейся по возможности переселиться в Россию молодёжи на российский рынок труда (хотя изменение структуры иммиграции тоже является немаловажной задачей), сколько создание в государствах ближнего зарубежья слоя образованных и ориентированных на Россию людей, играющих значительную роль в политической, экономической и культурной жизни своих стран. При этом должно быть обеспечено надёжное функционирование устойчивых каналов взаимодействия граждан стран СНГ, получивших образование в России, в ассоциированных с российскими образовательными структурами заведениях, или просто на русском языке, с российскими государственными, бизнес-структурами и общественными организациями, в сфе-

ру деятельности которых входит деятельность в государствах ближнего зарубежья, а также разнообразных пророссийских сетевых структур, к созданию (или стимулированию создания) которых необходимо приступать незамедлительно (до настоящего времени фонд «Русский мир» остаётся, по сути, единственной реально функционирующей структурой подобного рода). Только в таких условиях будет задействован один из важнейших стимулов для изучения русского языка – карьерный.

Особо необходимо отметить, что поддержка русскоязычных (или, точнее, русскоговорящих) жителей стран СНГ ни в коем случае не должно сводиться лишь к поддержке русской диаспоры в новых независимых государствах. Такой подход может оказаться (и уже оказывается в целом ряде случаев) контрпродуктивным, подразумевая изначальное разделение граждан этих государств на меньшинство «своих» и большинство «чужих», что неизбежно влечёт лишь дальнейшее отчуждение этого большинства (включая интеллектуальную элиту) от России.

Фактором сохранения культурного единства постсоветского пространства является обеспечение функционирования единого информационного поля. Это предполагает не просто последовательные и скоординированные действия российских властей и негосударственных структур в целях обеспечения доступа граждан стран СНГ к российским печатным и электронным СМИ, но и достаточно пристальное внимание этих СМИ к странам ближнего зарубежья, чего в последние годы не наблюдается – более или менее обстоятельно российскими средствами массовой информации освещаются, как правило, лишь выборы (и то далеко не всегда) и иные экстраординарные события на постсоветском пространстве. Подобная ситуация ведёт к снижению интереса к российским СМИ со стороны граждан стран ближнего зарубежья, не находящих там проявлений подлинного интереса к жизни их стран и взвешенных оценок происходящих в них событий. Кроме того, результатом подобной информационной политики ведущих российских СМИ является отсутствие адекватного представления о событиях на постсоветском пространстве и их зна-

чимости для России у большинства собственно российских граждан; в таких условиях рассчитывать на повышение активности на данном направлении структур российского гражданского общества (даже если мы предполагаем прогрессивное развитие таковых в среднесрочной перспективе) не приходится. Наконец, в некоторой степени это имеет своим следствием и отсутствие должного внимания к проблематике постсоветского пространства со стороны политического руководства и высшей бюрократии России.

Отметим также, что для повышения эффективности российской политики, а также формирования позитивного образа России в странах СНГ, помимо реализации обозначенных выше задач, представляется необходимым:

- обеспечить наличие чёткой имиджевой стратегии; до настоящего времени деятельность в данной сфере носит бессистемный характер наличие. Это существенно важнее, чем размеры финансовых затрат на достижение указанных целей, не являющихся решающим фактором успеха: весьма показательны опыт США, затрачивающих в последнее время более 1 млрд. долларов ежегодно на финансирование информационно-пропагандистской деятельности за рубежом и, тем не менее, оказавшихся не в состоянии хотя бы остановить рост антиамериканизма в большинстве регионов мира [Вайнштейн]. Что же касается финансирования имиджевой политики, совершенно необходимо снизить запредельный даже по российским меркам уровень коррупции в этой сфере (что, впрочем, весьма непросто хотя бы потому, что обеспечить полную финансовую прозрачность бюджетов, например, соответствующих PR-кампаний в принципе невозможно);

- активнее использовать методы публичной дипломатии, в рамках которой (в отличие от примитивной пропаганды) главной задачей является не навязывание определённой точки зрения целевой аудитории в странах ближнего зарубежья, а выстраивание доверительных отношений с партнёрами, основанное на их убеждении в том, что сотрудничество отвечает их интересам [Кононенко, 2006];

- и, наконец, помнить о том, что усилия имиджмейкеров, направленные на формирование позитивного образа страны, могут рассматриваться лишь в качестве дополнения к исправлению реального положения дел, а не как альтернатива ему. Кроме того, как справедливо отмечает Э.Галумов, «образ политика – особенно из первых эшелонов власти – должен "нравственно" соответствовать выстраиваемому образу страны» [Галумов, 2005, с. 139]. Эффективной деятельностью по формированию позитивного образа России окажется лишь в том случае, если формируемый образ будет в целом соответствовать реальным тенденциям общественного развития страны.

В заключение отметим, что, не отказываясь от апелляции в целом ряде случаев к общим традициям, общему историческому опыту, наработанному на протяжении десятилетий/столетий совместной жизни в рамках единого государства, необходимо позиционировать Россию как мощное и современное, динамично развивающееся государство, сближение с которым (не только экономическое и политическое, но и культурное, идеологическое) обеспечит новым независимым государствам адаптацию к условиям глобализирующегося мира, в котором Россия способна предоставить своим партнёрам те же «услуги», что и конкурирующие с ней за влияние державы. Более того, при поддержке России эта адаптация может быть осуществлена новыми независимыми государствами с наименьшими издержками в силу более деликатного (сравнительно с державами евро-атлантического блока) отношения к специфике стран-партнёров России, не стремящейся к полной унификации того политического пространства, на котором она обоснованно претендует на лидирующую роль.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беспалов С.В., Власов А.В. и др. Механизмы формирования позитивного образа России в странах постсоветского пространства. М., 2007.
2. Слуцкий Л. Слово и отражение: почему за рубежом деформирован образ России // Независимая газета. 13.04.2001.

3. Джазоян А. Готова ли Россия отказаться от своего влияния в СНГ? // Московские новости. 2007. № 14.
4. Колеров М. Главным движущим фактором России должен быть только экономический эгоизм // <http://kreml.org/opinions/79827255>
5. Миллер А. Много испорчено, но не всё потеряно // Pro et contra. 2005. Т. 9. № 1.
6. Вайнштейн Г. Рациональное и иррациональное в восприятии России Западом // <http://www.apn.ru/publications/article10945.htm>
7. Кононенко В.А. Создать образ России? // Россия в глобальной политике. 2006. № 2.
8. Галумов Э.А. Имидж против имиджа. М.: Известия, 2005.